

*Все образы собирательны,
все совпадения случайны,
никому не стоит принимать на свой счет...*

Ростислав Ищенко, политолог

ЭНСКИЕ СТРАННОСТИ

Всякое случается в городской жизни — смешное и грустное, хорошее и плохое и порой и приключения бывают, а порой и трагедии, как взрыв бытового газа, например. А давеча зама губернатора за руку поймали — взятки брал, наверное, непомерно и долго, — тоже трагедия для города, ну как же, лицо Энска пострадало, да и попризывкли к нему, молодцеватому заму. Или не трагедия? Может, она была бы, если б не поймали?.. Да, много чего происходит в городской жизни, и от смешного до грустного частенько рукой подать. Вот, казалось бы, творческая среда, писательская — где, как не в ней, быть концентрации доброго, разумного и вечного? — Ан нет, вот, поди ж ты...

Анатолий Михайлович Славский, заместитель главного редактора газеты «Литературный Энск», спустился по лестнице со второго этажа, где располагалась редакция, выбежал на улицу и стал нервно ходить взад и вперед по аллее небольшого, располагавшегося невдалеке сквера. Он что-то негромко, размахивая руками, бормотал, рывком снимал белую — от палящего солнца — кепку, резко смахивал пот с блестящей лысины и вновь небрежно водружал головной убор на место. Любопытно, — а их было немало, хоть был разгар, выражаясь по старинке, рабочего дня, чем сейчас уже, правда, никого не удивишь, — мог подумать, что человек явно не в себе.

И было от чего! Сегодня утром главный редактор пригласил Анатолия Михайловича к себе и велел остановить верстку кропотливо приготовленных Славским материалов очередного номера газеты.

— Что случилось, Иван Алексеевич?

— Срочно снимай и не спрашивай, Анатолий Михайлович, — ответил Афанасьев.

— Так ведь авторы уже оплатили, то есть пожертвовали... — попытался возразить Славский.

— Не надо мне напоминать, что газета существует благодаря пожертвованиям авторов и печати тиража местным университетом! — сердито прервал его Иван Алексеевич. — Материалы авторов поместим в следующий номер.

— Мг...

— Представляешь, обе писательские организации, и заметь, одновременно подали свои статьи, каждая на две полосы, представляющие своих новых членов: первая — генерального директора (понимай, хозяина) крупнейшего в губернии газонефтеперегонного завода Игоря Петровича Ухтомского, а вторая — председателя комитета по культуре и образованию Губернской думы Петра Игоревича Комарика, обе с большим портретом, обширной биографией и рассказом. Так что вся газета отдана этим двум, с позволения сказать, письменникам.

— Неужели и рассказы?

— А то! Что слабо Виктору Ивановичу Рогову с Иваном Викторовичем Горовым по такому случаю по рассказику сочинить?

— Думаю, не слабо, — согласился Славский.

— Занимайся, не теряй времени, а то, как бы чего не вышло, номер-то уже через неделю должен выйти! — завершил разговор Иван Алексеевич...

«Эх! — в сердцах подумал, продолжая ходить по скверу, Славский. — Работаете, работаете, а для чего — непонятно. И деньги-то небольшие, с таких не разбогатеешь. Да и разве дензнаки — главное? Тут вот, скажем, пишешь, пишешь или корректируешь, с орфографией и стилистикой измучаешься, а возьмут и пнут тебя с твоей работой, и дело с концом. И никакой тебе компенсации и утешения. А кто-то нашел себе нишу — гавань спокойную — и держится за нее десятки лет всеми пятью точками, не сковырнешь. Да что там!...» — и махнув рукой, засеменял обратно в редакцию переверстывать номер.

...Читатель уже понял, что в небольшом губернском городе Энке действуют целые две писательские организации: «Писательский союз Энска» и «Союз Энских писате-

лей». Только это еще все — в городе нет ни единого, более или менее пишущего человека зрелого возраста, кто бы ни был так или иначе связан с одним из союзов. И не мудрено, ведь в самом начале «катастрофки» развернулась целая компания по вербовке как в старый ПСЭ, так и во вновь созданный СЭП (ну, как может один светоч местной литературы пойти в замы к другому?) новых членов. Прямо что-то вроде соревнования было устроено по распродаже, то бишь раздаче за бесценок, членских билетов. Так и разделились поголовно все местные и районные письменники на два лагеря. Да и где и кем определено, что писательская организация, — а они все сейчас общественные, — должна быть одна? Уж их-то теперь, хоть пруд пруди. Собрались три человека, договорились о чем-то — вот она и есть.

Нет, председатели отнюдь не были врагами друг другу. Где-то даже и на приятелей походили. А там кто их разберет? Ведь чужая душа, тем более председательская, — потемки.

...Журналистское любопытство обуяло успокоившегося уже на следующий день Славского, и он, памятуя, что таковые всегда и обо всем, что происходит в коллективе, знают, позвонил своей старой знакомой Светлане — секретарше Рогова. И та — не по телефону, конечно, а в приватной беседе за чашечкой кофе и ее любимым шоколадным тортом «Вдохновение», — не менее вдохновенно поведала о разговоре двух мэтров, состоявшемся накануне.

А разговор (как подслушанный? — не нам с вами, читатель, грех на душу брать, судить) был таков:

— Что ж это такое, Виктор Иванович?

— Ты это о чем, Иван Викторович?

— Забыл наш уговор?

— Какой из них?

— Ну, давний наш...

— Как же забыл? Все помню: договорились все наследие бывшего СП СССР в Энске поровну разделить, — припомнил Виктор Иванович. — Так и поделили ведь: и комнаты, и телефоны, и библиотеку, и прочее имущество, а также писателей... Правда, они сами разделились, и что удивительно — почти поровну...

— Не только разделить уговор был, но и в дальнейшем делить все по-братски, — разгорячившись, заявил Иван Викторович.

— Да, да, было такое...

— Ну, и?..

— Что и? — заулыбался Виктор Иванович.

— А депутат с директором?

— А... Ну, так это же моя «рыбка», Иван Викторович, так долго ловленная...

— Эх, Виктор Иванович, старых друзей-приятелей забываешь, а ведь договор, понимаешь, дороже денег, да и на них ведь, твоих человечках, все не кончается. И у меня улов, может, больше твоего будет, и я поделюсь, мало ли? А?

— Да, ты прав, старик, — бес попутал, язви его в корень!

— Ну, не переживай! Давай лучше их поделим.

— Давай! Газонефтяного директора я беру себе, а ты — председателя, — ничтоже сумняшеся, сказал Виктор Иванович.

— Нет уж! Давай, ты — депутата, а я — буржуя! — в пику ему заявил Иван Викторович.

— Какая тебе разница? — спросил Рогов.

— В смысле? — не понял Горюхин. — Буржуин при деньгах, а депутат...

— Опомнись, Иван Викторович, — перебил его Виктор Иванович, — хозяин при больших деньгах, и они дают ему соответствующие возможности, это так, а председатель комитета при очень больших возможностях, а это — те же деньги, понимаешь?

— Это то же, что два плюс три и три плюс два все равно будет пять?
— Вот видишь, ты, сочиняя стихи и прозу, все же высшую арифметику-то не забыл.
— Согласен, давай мне комитетчика.— Иван Викторович почесал затылок и сказал:
— Через три недели выходит наш «Литературный Энск», неплохо бы за это время, получив взносы, конечно, далеко не стандартные, и отпраздновав на банкетах, принять их в союзы и дать материалы в газету с большим фото и биографией.
— Правильно мыслишь, Иван Викторович! Но кроме взносов, полагаю, неплохо бы им издать хотя бы по одной нашей книжке в хорошем переплете и с суперобложкой.
— Хорошее предложение! А мы по одному нашему рассказу им отдадим, пусть их, не жалко для таких людей. Как думаешь, Виктор Иванович?
— Да, ты прав.
— Слушай, а скажи мне по совести, зачем им в писатели подаваться, что им это даст? Ведь у них все и даже больше есть. Того же писателя можно на договор посадить — все, что угодно, напишет литературный труженик за соответствующую зарплату.
— Как не понимаешь, Иван Викторович?
— Ну?
— Раньше, при Советах, духовная сфера общественной была, а сейчас она частная. Вот мы с тобой, если бы не были председателями Энских союзов, книжки свои на собственные денюжки издавали. А им удостоверение члена союза нужно: одному — в Москве, на съезде предпринимателей там или еще где, а другому — в Губернской думе, а там, глядишь, обоим и в Госдуме, показать: вот, мол, мы какие — не только в материально-денежно-политической сфере вертимся-крутимся, но и духовные все из себя, пописываем...
— И о вас прописать можем!
— Вот-вот... Кстати мы тут недавно приняли одного директора издательства Энского пединститута. Поэт, сам пишет, между прочим. Ну, думали, теперь все книжки свои и коллективные сборники будем бесплатно издавать — печатать, то бишь... Не тут то было! — Принципиальным оказался. Так мы ему прописали такую коллективную рецензию на его книжку и разместили ее, где только можно, что его теперь вряд ли где напечатают, и отношение в литкругах будет соответственное...
— Правильно сделали, нечего тут!
— Но вернемся к нашим пегасикам... Так что, согласен?
— Согласен, давай депутата, по рукам!
— По рукам-то по рукам, но это, Иван Викторович, я тебе даю. Поэтому с тебя та девица, молоденькая поэтесса, которую ты себе недавно в новые секретарши взял, Светлана, кажется, ее зовут. Пусть у меня посекретарит.
— Хм...— глубоко вздохнул Горов.— Ну, да ладно, чего для друга не жалко. Только и ты пойми, от сердца, что называется, отрываю, поэтому и с тебя, друг Виктор Иванович, причитается.
— Что хочешь, Иван Викторович?
— Ты собрался принимать в свой союз одного молодого и перспективного стихотворца.
— Кого ты имеешь в виду?
— Того же, кого и ты — Смольникова Валерия.
— Лады,— немного подумав, вернее, представив все видимые и невидимые достоинства получаемой в дар молоденькой поэтессы, согласился Рогов.
...Теперь читатель понимает, почему раздосадованная и оскорбленная в своих лучших чувствах Светлана так подробно, в мельчайших деталях, рассказала все Славскому? Всю ночь не спал Анатолий Михайлович, все думал над услышанным, думал о том, какие дела в подлунном Энском мирке творятся, и вспоминал свою личную историю взаимодействия с союзами.
...А началось это взаимодействие сразу же по приезде Славского из центра соседней

губернии в Энск. Пришел он тогда со своими книжками и конспектами в СПЭ познакомиться с местными писателями. Нужно сказать, что Анатолий всегда выглядел солидно, а тут по случаю надел свой лучший костюм, что заметно прибавило ему респектабельности. В союзе за столом в одиночестве сидел седовласый человек и читал какой-то журнал. На приветствие вошедшего, он встал и протянул посетителю руку. Как оказалось, это был сам председатель — Виктор Иванович Рогов. Разговорились. Анатолий Михайлович показал ему свои книги, вырезки из газет, список публикаций, кое-что прочел вслух.

— Вы хотите вступить в союз? — спросил Рогов, делая ударение на «хотите».

— Если старшие товарищи посчитают возможным меня принять и дадут рекомендации, то да,— ответил Славский.

— Нет! Я спрашиваю, вы (он сделал сильное ударение уже на «вы») хотите вступить?!

Теперь-то Анатолий Михайлович понимал: «Какие рекомендации? — Пустое это все! Денежки нужны были, видимо он принял меня за богатого», — подумал он.

...Вспомнилось ему, как еще в ранней молодости пригласили их отметить день рождения знакомого подруги жены в расположенном недалеко от дома Анатолия ресторане. Поднимали тосты, выпивали, ели, танцевали... А в конце оказалось, что у друзей нет ни копейки денег, чтобы расплатиться за все... На недоуменный взгляд Анатолия Вадим, так звали «знакомого подруги», заявил: «У вас (так же, как и Рогов, делая ударение на «вас») что, денег нет?!» Недолго недоумевали Анатолий с женой, пришлось ему идти домой — ведь он был в квартале хода от ресторана — и принести требуемую сумму, о которой «друзья» потом благополучно забыли...

...И тогда в союзе писателей недоумение Анатолия Михайловича было недолгим. Отворилась дверь, и вошедший седовласый, как и Рогов, мужчина с возгласом: «Эхма!» припечатал к столу пол-литра чистой, как слеза, жидкости. Вслед за ним пришел еще один седовласый, как потом выяснилось, заместитель председателя Кленов, и достал из портфеля пластиковый контейнер с порезанной на кусочки селедкой и пакет с порезанным же на аккуратные ломтики, дурманно пахнущим черным хлебом. Славский собрал книги и бумаги — он не был любителем выпивок, хотя мог, конечно, поддержать дружеское застолье, немного выпив для атмосферы. Но с чужими людьми, как в данном случае, не любил этого делать. Потому, чтобы не мешать компании, ушел.

...Прошло полгода. Как-то позвонил Рогов и, продиктовав телефон Афанасьева, главреда «Литературного Энска», сказал, что тот хочет с ним поговорить. Славский созвонился с Иваном Алексеевичем и на следующий день встретился с ним. Тот, посмотрев документы и трудовую книжку, предложил Анатолию Михайловичу должность заместителя. Славский сразу же согласился, ибо любил эту живую — с авторами, издательствами и материалами — работу. Но тут началось. Еженедельные звонки от Рогова и Кленова чередовались с аналогичными от Горова и его зама Неелова с предложениями набрать на компьютере тексты их рассказов, повестей и романов, стихов и поэм и отдать их, естественно, бесплатно, в газету, чтобы печатать с продолжением. Зная финансовое положение газеты, Анатолий Михайлович посоветовался с Афанасьевым.

— Поступай, как хочешь. Набирать, не набирать — дело твое. А то, что финансы у нас поют романсы, знаешь сам,— ответил тот на вопросы Славского.

Анатолий Михайлович мэтрам отказал. После чего его нигде — ни в альманахах, ни в коллективных сборниках обоих союзов даже за деньги не печатали и несколько раз к ряду проваливали на собраниях по приему в члены. К слову, эти собрания — тема отдельного фельетона. А дело вот в чем.

Например, в союзе 50 членов, из них 15 человек недееспособны, то есть уже давно ничего не пишут и никуда не ходят. А «изюминка» в том, что каждый из не посеща-

ющих собрания давно уже написал «вечную» уверенность на имя только одного человека. И этим счастливец, конечно же, является сам председатель. Следите за мыслью? Получается, на собрании как бы присутствуют все 50 человек, но голоса не равноценны: председатель, вместе со своим, имеет 16 голосов и может распорядиться ими по своему усмотрению. А если учесть, что несмотря ни на какие рекомендации и агитации, как председатель проголосуют еще 3—4 человека, то хотя бы слегка знакомому с арифметикой становится ясно, что, имея 19—20 голосов, можно при желании заблокировать или, наоборот, принять любого кандидата, так как прием осуществляется при наличии 2/3 голосов от 50-ти, то есть 34-х.

Читатель может возразить: «Ну, а новые члены, они ведь дееспособны, на собрания ходят и могут проголосовать “не так”?» Святая наивность, все предусмотрено: на одного-двоих независимых (талантливых ведь все же надо принимать) всегда примут двоих-троих, пусть и менее талантливых, а может, и вовсе посредственных, но — своих. Вот и вся «высшая математика». И она одинакова как в одном, так и в другом союзе, которые, как читатель уже понял, в Энске суть одно, но разделенное на два предприятие. Ну, как тут не вспомнить постоянно краснеющего Александра Яковлевича из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

Вспомнилось это все, и так тоскливо стало на душе общительного и деятельного Анатолия Михайловича, что хоть... Нет, наш герой, несмотря на сильные душевные переживания не только от несправедливости по отношению к себе, но и вообще от несправедливости, не таков, чтобы бежать топиться на дальний мост, где хоть какая-то река течет...

Куда же податься бедному литератору Славскому из этого затянутого тиной озера литературной жизни Энска? Тут как-то мелькнула надежда. По городу прошел слух, что собираются создать Общество духовных писателей. Нашелся и энтузиаст, который под это Общество уже и литобъединение организовал, куда вошли созданные им же два клуба духовных писателей. Да недолго они просуществовали и вместе с так и не открывшимся Обществом канули в лету. Оклеветали человека и «ушли», вот и дело с концом. Нечего высовываться и баламутить «чистую» заводь.

Так что, уважаемый читатель и не менее уважаемый литератор, культура и ее важнейшая часть — литература, — думается, дело общегосударственное, а не частное. В противном случае таких и еще больших странностей нам не миновать!

ИНКВИЗИТОР

Многое происходит в жизни. Часто даже такое, что думаешь: ну, вот это — точно выдумки, а если и нет, то уж точно не со мной произойдет, ан нет, глядишь, и случается. Вот и в славном городе Энске, утопающем в зелени, где наряду со зданиями новейшего архитектурного стиля мирно уживаются здания всех предыдущих эпох, произошла, читатель, следующая история.

На старой тихой улице, среди маленьких частных домов, стояло старинное красивое здание университета, в прошлом пединститута, готовившего добропорядочных советских учителей, так хорошо описанных в произведениях многих советских же писателей, а теперь — сугубо «болонских» спецов (не поворачивается употребить в применении к ним доброе старое слово — «специалист»). И работала в этом университете преподавателем немецкого языка и литературы Александра Михайловна Харламова. В прошлом, нужно сказать, она, будучи активной подвижницей некоей христианской церкви — сейчас уже не упомяну какой, — вела на местном телевидении передачу «Спасение» — во времена оные чего только не было на телевидении и радио, вспомним хотя бы пресловутое «Аум-синрикё». А до этого, в «катостроечные» годы, по линии комсомола Александра Михайловна вела молодежное кафе, где в неформальной обстановке, не мытьем так катаньем, подвигала молодежь на «ускоре-

ние», «углубление» и «расширение»».

Завела она по былой памяти в университете литературную гостиную. Дело-то само по себе благое, хорошее. Да вот только людей со всего города собиралось, в интимной, так сказать, обстановке, всего 3—5 человек. Пришел как-то, узнав о мероприятии из газеты, и поэт Николай Кириллович Яковлев, которому, ну, не нравилась келейность всех городских литобъединений и клубов, мечтавший о широком общественном движении по развитию культуры, литературы и в частности поэзии — бываюи же такие люди! — среди горожан. Гостиная ему весьма понравилась и своим антуражем, и дружелюбной обстановкой, да и имевшимся рядом большим залом, что тоже немаловажно. И решил, — эх, почему он не был ясновидящим? — что будет ее активным участником, будет приглашать авторов и вообще творческих людей и, что считал главнейшим, — слушателей.

Николай Кириллович рассказал об этом Харламовой, она отнеслась с одобрением, и он, не щадя живота своего, стал обзванивать друзей и знакомых, приглашая их со знакомыми же на мероприятия. И что вы думаете? — Уже на третью, считая от первого его появления, гостиную пришло около семидесяти человек! Был создан литературный клуб «Светоч», — они с Александрой Михайловной — сопредседатели, — стали проводиться, кроме гостиных литературно-музыкальные вечера, посвященные известным поэтам и прозаикам, важным общественным датам. Словом, работа пошла. Но вот беда — преподаватели университета, имеющие отношение к филологии и русской словесности, именитые литераторы, приходящие иногда на гостиные и вечера, — никто, кому, как говорится, сам Бог велел, так и не подвинулся на занятия с любителями и начинающими. Никто! — Сколько бы разговоров с ними на эту тему ни велось.

Посему решил Яковлев, что поговорка «Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается» в данном случае не работает, ибо «сказка» долго сказывалась, а работа ни на йоту не продвигалась. И он, не бросая работу в «Светоче», задумал организовать еще один клуб, но уже при местном Обществе содействия развитию культуры. Там уж, думал Николай, — где еще, как не там? — точно найдутся люди, которые станут продвигать народную литературу и способствовать совершенствованию любителей — поэтов и прозаиков.

Когда Яковлев зашел в кабинет к председателю Общества Максиму Сергеевичу Родомыслову — молодому симпатичному человеку, — его весьма поразил шикарный вид кабинета, наличие последней марки кондиционера и новейшей модели компьютера. Теперь он не удивлялся богатому авто представительского класса у входа. Кроме того на стене кабинета висел огромный — полтора метра на метр — живописный портрет хозяина кабинета. При первых же словах знакомства Николай Кириллович почувствовал непререкаемый начальственный тон — это у молодого-то человека! — и дистанцию, создаваемую всем поведением собеседника.

Но выслушав, то ли сообразил для себя новую выгоду — «Господи, да какую же?» — подумал Яковлев, — то ли он попал, что называется, «в струю»: может быть, поветрие такое создалось в городе, или, скорее всего, это будет хорошо для некоей отчетности верхам... Так или иначе, а случилось, что Родомыслов сразу согласился... Позволил, дал добро.

Теперь дело стало за малым — найти себе помощника в организации нового клуба, — и название уже Николай придумал на ходу — «Радость».

Вот тут-то мы и приступаем ко второй части нашей истории...

Жил в Патрусевске сын в прошлом крупного советского чиновника Алексей Сергеевич Владимиров. Окончив среднюю школу, он не захотел идти по стопам своего отца — институт, партшкола и далее партийная же или чиновничья карьера, а пошел в военно-морское училище, после окончания которого ходил по разным морям земного

шара и дослужился (не без помощи авторитета папы, конечно) до капитана 1-го ранга, командира крейсера. В свободное время на корабле выучил английский и немного испанский и, как говорится, в иностранных портах пил виски и ром.

Однако пришла перестройка, вернее, катастрофка, флот сильно сократили, и он, не дослужив до положенного срока два года, сошел на берег, вернулся в родной город, размышляя, чем бы заняться, в чем его предназначение? Все вокруг уже, казалось, ответили себе на эти вопросы, и в ажиотаже бросились зарабатывать деньги. И тут Владимиров в зале филармонии на концерте заезжего московского солиста встретил старого знакомого. Правда, не сразу узнав его, он заходил то спереди, то сбоку, а когда понял, что это его одноклассник Дмитрий Семенов, обратил на себя внимание, назваля. И тот — уже Дмитрий Иванович, лысоватый и с брюшком — узнал в подтянутом, но с обильной сединой, человеке Алексея. И началось: «Сколько лет, сколько зим!» — «Да как ты?» — «Да где ты?» — «Ну, это же надо, вот так встретиться!» — «Да-а-а!» — «А ты постарел...» — «Да и ты, гляжу...» и прочая и прочая. Весь антракт ушел на эти обычные реплики.

В следующем антракте они, вновь встретившись в фойе, разговорились.

— А ты, значит, моряком стал?

— Да.

— Откуда же прибыл?

— С Черноморского флота, из Севастополя.

— До кого дослужился?

— Капитан 1-го ранга в отставке.

— Это как полковник, что ли?

— Ну, да. А ты как сейчас?

— Я владелец фирмы.

— Ого! А чем твоя фирма занимается?

— Компьютерами и телевизорами.

— Ты по специальности электроник? Что закончил?

— При чем здесь «электроник»? А закончил наш пединститут, но это неважно. Я — бизнесмен!

— Ну, а если, Дмитрий, нужно разобраться в технике, а ты в ней, гуманитарий, ничего не понимаешь?

— На то у меня есть инженеры-электроники. Слушай, а иди ко мне, ты кто по военной специальности?

— Инженер по автоматическим системам управления.

— Вот! Мне как раз требуется начальник отдела над всеми этими электрониками, которые нужны, чтобы в случае чего довести телик или комп до ума. Пойдешь?

— А пойду! — сказал Алексей Сергеевич.

Так наш герой стал сразу чуть ли не замом директора, то бишь, хозяина фирмы. И вот тут-то...

Но прежде нужно коснуться внутреннего мира Владимирова. Школа, военно-морское училище и служба его, находились под мощной, как теперь выражаются, крышей отца и отцовских связей в верхах. И когда в истории страны случился — хотел, дорогой читатель, сказать перелом, да язык не поворачивается, — катастрофический слом, и все привычное быстро и разом рухнуло, и отец, скорее из-за стрессов, а не по возрасту, быстро покинул сей мир, что совпало с досрочным увольнением Алексея Сергеевича из армии и его «швартовкой» в родном Энске, но уже без «крыши», без связей и без денег, так как они обесценились прямо на глазах, вот тут-то и вылезло таившееся в глубинах его души содержание... Привыкший всегда и везде быть первым: школа с золотой медалью, лучший по сумме баллов выпускник училища, на службе — хоть и сторожевого катера, но командир, и далее командир эсминца, командир крейсера, — он и здесь, на фирме, никак не мог свыкнуться со второй ролью. Была ли

это моральная неустойчивость из-за плохого воспитания или генетическая предрасположенность — трудно сказать, здесь нужно проводить глубокое психологическое исследование личности. Но, так или иначе, оказавшись в данной ситуации, Алексей Сергеевич проявился именно так, а не по-другому. Между Владимировым и Семеновым началась тайная война, вернее, односторонние действия первого против второго, о которых последний долго не догадывался,— привык доверять людям, тем более другу детства и человеку, получившему из его рук все готовенькое. А когда понял, было уже поздно, ибо за два года «друг» сплел такую сеть интриг и подкопов, что нервы Дмитрия Ивановича — а нервы в те годы, по сути, войны за выживание у людей были на пределе,— не выдержали, и он с инфарктом попал в больницу... Когда же выписался, фирма была уже не его, а благополучно перешла в руки Владимира. Видимо, до больницы Дмитрий Иванович наш где-то, как-то, что называется, «подмахнул», не глядя, один документик, да оно и понятно, не до того было... Но не будем останавливаться на подробностях, как это все делалось,— хоть дьявол и в деталях, — ибо читатель и без нас поднаторел в этом, посматривая многочисленные телесериалы на тему «друг, жена, сын и так далее... кинул». Одним словом, разобравшись в том, что произошло и кто виноват, и не зная что делать, от горя Семенов впал во второй к ряду инфаркт, после которого, как сказал врач, бороться было уже противопоказано. И получив часть капитала в виде отступных,— совести еще хватило у бывшего друга,— ушел в сторону.

Так Владимиров стал крупным бизнесменом. Но, несмотря на положение, была у него одна слабость. Алексей Сергеевич еще с юности любил петь под гитару. И вот это его увлечение и привело однажды на гостиную в «Светоч».

И тут начинается третья часть нашего повествования.

Владимиров не пропускал ни одного заседания клуба, более того, активно выступал на гостиных, вечерах и выездных встречах: пел, читал стихи классиков, вслух анализировал произведения выступающих. Все бы хорошо, но со временем — ну, как скрыть большое? — была замечена за ним одна странность: Алексей Сергеевич перед каждым мероприятием подходил к Яковлеву и настоятельно просил ставить его аналитическое выступление самым последним, даже после самих ведущих, то есть обзорно завершающим. Это стало несколько коробить ведущих, пару раз они ставили Владимира в конец списка выступающих, но, прослушав его амбициозные критические выступления, отказали в этом. Отказ был воспринят нашим «героем» недоброжелательно. Но больше он этот вопрос не поднимал и по-прежнему, среди прочих, пел, читал и анализировал, однако только тех, кого успел прослушать.

И вот, когда клуб «Радость» был организован, и были проведены две гостиные, Николай Кириллович понял, что на оба клуба его не хватит. К тому же, нужно сказать, он был занят еще и работой в редакции одной из губернских газет. Проследив за активным участием Алексея Сергеевича в работе «Светоча», оценив положительно его организационные способности и умение разбираться в людях и произведениях (а амбиции руководителю не помеха), и, несмотря на отмеченные отрицательные моменты — на безрыбье и рак — рыба,— надеясь, что загруженность работой и ответственность сбалансируют плюсы и минусы, Яковлев предложил ему возглавить «Радость». Владимиров сказал, что никогда не руководил творческим коллективом, кроме того, сам не литератор, а только исполнитель. Но Николай обещал ему активную помощь, на этом они пришли к согласию, и уже на следующей гостинной в ОРСК Яковлев представил пока еще нескольким участникам клуба нового руководителя. Николай Кириллович сдержал свое обещание — всячески поддерживал Алексея Сергеевича и не только в «Радости», но и в «Светоче», передал ему всю методику организации гостиных, тематических литературных вечеров и выездных мероприятий, телефоны всех знакомых ему энских литераторов и исполнителей, постоянных слушателей-

зрителей, а также известных в городе авторов исторических и краеведческих проектов, творческих людей районов губернии.

Поначалу их сотрудничество складывалось хорошо: Яковлев помогал Владимирову организовывать и вести мероприятия, подсказывал что-то по телефону, сам приглашал новых людей в «Радость». Однако постепенно стали происходить довольно — опять-таки! — странные вещи: новый руководитель стал явно тяготиться Николаем Кирилловичем, нервничать, несколько раз в разговоре резко отвечал, а потом и на самих мероприятиях стал публично ему хамить и с каждым разом все сильнее. Тогда-то и оставил Яковлев «Радость», тем более что там все заладилась.

«Радость» процветала — уже информация по всему городу и не только пошла о том, что в Энске кроме известного клуба «Светоч» еще и новый клуб есть, который проявляет свое особое лицо. Но не тут-то было...

Стал Николай вдруг замечать некоторое охлаждение к себе со стороны Харламовой. Вот она стала частенько намекать ему, что он как бы что-то должен рассказать, в чем-то признаться... Даже на одном вечере, посвященном Г. Р. Державину, она опять весьма загадочно, при всех, предложила ему «это» сделать. А когда он с непониманием поглядел на нее, последовало: «Нет? На вечере не хотите?..» Но в глаза о причине своего такого поведения сказать так и не решилась...

Прошел месяц. И вдруг раздался телефонный звонок:

— Ну, как там дела у сайентологов? — спросила Харламова.

— Что-что?

— Да-да, Николай Кириллович, мы все знаем.

— Не понял, Александра Михайловна, в чем дело?

— В Интернете опубликована информация: вы в списках московской сайентологической организации!

— Не может этого быть!!!

— Да как же это? Своими глазами видела!

— Так вы же Интернет не любите и не работаете в нем. Сами ведь сколько раз говорили!

— А мне показали!

— Да кто же?

— Алексей Сергеевич проявил бдительность.

— И что он вам показал?

— Да я же вам уже сказала!

— Боже мой, ну, как же это может быть, если я туда никогда не вступал!

— Это вам судить, как это может быть. Но факт есть факт! Поэтому, Николай Кириллович, мы в ваших услугах более не нуждаемся!

— Большое вам спасибо! Теперь получается, что я ни к одному из организованных мною клубов и отношения никакого не имею?!

— Ну, почему же? Вы можете приходить, слушать, выступать...

— То есть как руководитель-сопредседатель я уже не нужен?

— Получается, что нет...

— Понятно, ведь клубы уже не только организованы, но и известны в губернии, благодаря...

— Николай Кириллович, разговор закончен!

— Вот как! И это все на основе этого интернетовского фейка?

— Какого еще «фейка»?

— Это же клевет, клевета, подделка!!!

— Ну, нет, Николай Кириллович, документ со всеми реквизитами — адресом, электронной почтой, телефонами. Телефоны, правда, уже устарели, но почта оказалась прежней. Мы списались и нам все подтвердили. Вы в списках!

— Да этого просто не может быть!!!

— Так, мы уже по второму кругу с вами пошли...
— Всего доброго, Александра Михайловна, суди вас Бог!
— И вам того же!..

На сем они расстались. Ошарашенный не только новостью, но и отношением, Яковлев долго не мог успокоиться. Как же? Его детища — уже не его, отобрали, даже не поблагодарив за сделанное. Но, понемногу успокоившись, он решил все же войти в Интернет и попытаться разобраться — правда ли есть такая информация? Николай набрал свою фамилию и имя в окне поиска в Google, и сеть выдала ему множество страниц. Оказалось, на земном шаре у него было множество тезок. Упорно, где-то с час времени, «полистав» странички, он, действительно, нашел-таки себя в некоем списке, датированном годом пятнадцатилетней давности. И он начал вспоминать...

В те годы, живя в Москве, Яковлев интересовался разной информацией, в основном духовного плана, бывал на презентациях разных учений, ради любопытства и для литературного творчества, приобретал там книги, чтобы поглубже познакомиться с предметом. Пришел он как-то и на сайентологическую презентацию. Хотел купить у них книгу — киоск располагался рядом с входом, прямо за ресепшн. Но, оказалось, чтобы это сделать, необходимо было пройти. А чтобы пройти, нужно было зарегистрироваться, то есть просто сообщить свои Ф. И. О., что Николай легко и сделал, ни о чем таком плохом и не думая. Это только потом, пройдя через многие тернистые жизненные обстоятельства, приобретя многие знания и опыт, он понял, что сайентология — это новое издание «информационной армии». Тогда же, приобретя книгу, он напрочь забыл о своем посещении, тем более о каком-то списке на ресепшн. Вот так Яковлев и попал через пятнадцать лет, как кур во щи, в «костер инквизиторов». И «раскопал» это все (это же нужно было так постараться!) наш «героический» моряк и бизнесмен Владимир, из благодарности, конечно.

Зато университет приобрел предмет своей гордости, пунктик в отчете для верхов — не пропустил «сайентолога» в свое чистое лоно, выявил и удалил, «дезинфекцию» произвел, так сказать, инквизицию*.

Все бы хорошо, да на литературные гостиные в «Светоч» стали ходить все те же прежние 3—5 человек. Несмотря на все попытки Владимирова стать сопредседателем клуба (кстати, у него это не получилось), люди как-то так, сами по себе, разбрелись кто куда. То ли неинтересно стало, то ли привыкли к Яковлеву, к тому, как он приглашал, вел, звонил после мероприятия — благодарил за участие, обсуждал... Ведь фактор душевного подхода еще никто не отменял, как и душу, и ее проявления. Харламова же, как говорила — в силу занятости, — а фактически из-за характера, этого делать не стала, да и не могла. А Владимирову то ли разрываться на два клуба стало не с руки, то ли — что более соответствует истине, — люди его в «Светоч» не приняли... Вот и вспомнилась старая русская поговорка: «Бог не Микишка, Он все видит». Но клуб «Радость» процветал по-прежнему. «Что это — избирательность? — думал Николай, и сам себе отвечал: — В известном смысле, да. Ведь более виноват не доносчик, а тот, кто ему поверил. А доносчик от содеянного, может быть, мается во сне и наяву. Ну, да Бог ему судья!»

Харламова, призванная, по самой должности своей, сеять разумное, доброе и вечное, когда закулисные дела сработали на прекращение деятельности в области литературы в самом, что ни на есть отдельно взятом, лоне культуры и образования, растерялась, так как не ожидала подобного эффекта. А ведь уже и студенческая молодежь, было, потянулась...

Ну, а клуб «Радость», как и на былой службе Алексея Сергеевича крейсер, двигался

* Инквизиторы так и не «сознавшихся», то есть не согласившихся с обвинением, людей сжигали на костре живо, а тех, кто принимал обвинение, «раскаившихся», перед сжиганием удушали.

по жизни своим ходом, но уже под его единоличным командованием, впрочем, как и «завоеванная» фирма. Все свои способности на сто процентов реализовал этот человек — вписался-таки в общество победившего Хама. Красиво получилось, ничего не скажешь!

КРИТИКИ

«Критики должны иметь место. Без них не может быть полного счастья».

Ильф и Петров

«Хроника б. Херсонской губернии»

Много в жизни такого, над чем хочется посмеяться. К тому же смех, говорят, полезен для здоровья, но больше для тех, конечно, кто сам смеется. А тому, над кем потешаются, зачастую и обидно бывает, и даже очень. Вот и приходится смеяться внутренним смехом, когда лишь чуть подергиваются щеки и раздаются негромкие звуки то ли поперхивания, то ли судорожного покашливания, как говорится,— смех сквозь слезы.

Вот и о том, что рассказал и показал мой приятель Георгий и что я хочу вам в свою очередь поведать, хочется и смеяться, и плакать.

Дело было в воскресенье на очередном заседании литобъединения Энской губернии. ЛитО как ЛитО,— только, конечно, с чем сравнивать? Перефразируя известное изречение Л. Н. Толстого, скажем: все счастливые организации похожи друг на друга, каждая несчастливая — несчастлива по-своему... На заседание в старинном зале, в это морозное воскресное утро на праздник литературы собралось достаточно много людей. Литератору нужен праздник, а то все работа да творчество, работа да творчество... Юноши с девушками, но все более люди зрелого и почтенного возраста сидели и, перешептываясь, кутались от холода в зимние пальто и шубы (общественные места у нас теперь плохо отапливаются) в ожидании начала, которое всегда, как известно, несколько задерживается. Рядом с Георгием, уронив подбородок в меховой воротник куртки, средних лет мужчина перебирал листы с напечатанными стихами. Как бывает при редких встречах, все между всеми уже было переговорено, и в зале стояла тишина.

Но вот появился солидный, судя по выражению лица, походке и осанке,— заслуженный, преклонных лет руководитель объединения. Это был Кленов Сергей Маркович, заместитель председателя Союза писателей Энска. Заседание началось. Все зашуршали своими отпечатанными и написанными от руки текстами стихов, рассказов и эссе. Однако, движением руки призвав всех ко вниманию, ведущий достал из дипломата только что изданный двухтомник своих стихов и, потрясая им в воздухе, размеренно, с ритмическими ударениями, с небольшим пренебрежением, как это обычно делают мэтры, прочел одно довольно длинное стихотворение. После чего, скромно потупив взгляд, предложил желающим после мероприятия приобрести двухтомник по сходной цене в пятьсот рублей.

— Графоман,— тихо проговорил впервые приглашенный мною молодой человек, но его шепот потонул в бурных рукоплесканиях членов литобъединения.

Когда все успокоились, заседание пошло своим обычным ходом. Люди по очереди выходили и читали перед собравшимися свои произведения, после чего начиналось обсуждение — кто-то делал упор на положительные моменты, а кто-то, наоборот, останавливался на отрицательных. Литераторов ведь (за редкими исключениями, связанными с непочтением к Уголовному кодексу) судят не в судах, а на литературных собраниях. Заключительное же слово по каждому прочтению, конечно же, при-

надлежало мэтру, в гордом одиночестве восседавшему за столом, с лежавшими на нем томами своих стихов.

Подошла очередь выступать и соседу Георгия, мужчине средних лет. Он бодрой походкой вышел вперед и, встав у колонны, стал декламировать. Когда он прочел четвертое стихотворение, руководитель остановил его и предложил начать обсуждение. Но присутствующие почему-то прочитанные стихи обсуждать не стали. Точку над «i» поставил председательствующий. Он, спросив предварительно, где мужчина учился, в каком литобъединении занимается (оказалось, что он инженер, стихотворчество осваивал самостоятельно и нигде не состоит), сказал, что стихи достаточно слабые и над ними нужно еще много работать. В частности отметил сбивку ритма, слишком вольную рифму, местами неверно поставленное ударение, не совсем правильные словообразования и несколько слабых образов.

Наконец сосед вернулся на место.

— Мне понравились ваши стихи! Да и другим, по всей видимости, тоже. Видели? — Никто не критиковал. Я не согласен с мнением руководителя, — сказал Георгий.

Но сосед, наклонившись к нему и давась от смеха, тихо проговорил:

— Ну, и литобъединение у вас!

— А что такое? — тоже негромко спросил Георгий.

— Если руководитель не узнал руки «нашего всего»!

— Кого-кого?!

— Пушкина, Александра Сергеевича нашего!

— А при чем тут Пушкин? — удивился Георгий.

— Так ведь я, правда, малоизвестные, но его стихи прочел! А уж учителю-то следовало знать стиль гения русской поэзии...

На этот раз прыснул Георгий, правда, покраснев, ибо и сам не узнал в понравившихся стихах их автора. Как оправдание ему пришла мысль, что он не мэтр и таковым себя не считает.

— И вы правы, никто, кроме руководителя, не критиковал! — сказал сосед.

— Да-да, никто, кроме него!

И они оба затряслись тем самым утробным смехом, боясь помешать окружающим слушать завершающие заседание разглагольствования председательствующего о достоинствах великой русской поэзии.

Вот такой случай, а может быть, не случай, но промысел Божий, имел место в Энском губернском литобъединении. И произошло это то ли в Год культуры, то ли в Год литературы, сейчас уже Георгий и не упомнит. Но не суть важно, ведь и культура без литературы невозможна, как, впрочем, и литература без культуры. Можно еще поспорить, кто важнее — поэт или прозаик, простой литератор или именитый, да хоть и сам руководитель писательской организации, но произведения ведь сами за себя говорят.

А вот еще к теме. Встретил как-то Георгий одну поэтессу, глядит, а в глазах ее тоска несусветная.

— Что с вами стряслось? — спрашивает.

— Да вот, послала свои стихи поэту Залужскому, который в клубе всем предлагал свою помощь по разбору стихотворений. А он слова на слове не оставил в них, все раскритиковал в пух и прах, ничегошеньки хорошего не нашел...

— Как же так, совсем ничего?

— Совсем!.. — И у нее на глаза навернулись слезы. — Думаю, нужно бросать это занятие...

— Ты погоди, не торопись, мало ли кто что скажет!

— Да нет, видно нет у меня способностей... — вяло проговорила знакомая и, опустив

голову, пошла своей дорогой...

...Георгий знал Станислава Евгеньевича Залужского. Это был человек сильный, зрелый и, хоть у него имелось множество знакомых, и по большей части женщин, одинокий. Друзей же у него не было, да и какие друзья могут быть у человека, который всегда не любил людей, а если с кем и разговаривал, то с женщинами, чтобы покрасоваться перед ними и, скорее всего, не только, а с мужчинами, чтобы показать свою непобедимую мужественность, а то и предложить свою помощь при случае. И еще у него был «пунктик», вернее, целый «пункт» — критиковать чужие стихи. «Для чего писать стихи, которые никому никакой пользы не приносят и по определению принести не могут, тем более высокой культуре? — любил говорить он.— Ведь уже все написано классиками, что может быть лучше?»

— А ты сам-то ведь пишешь стихи? — как-то спросил его Георгий.

— Я уже все свое написал. Да и работы много — других править, а то и вообще отваживать от писания.

— Ну, и как ты считаешь, твои стихи хорошие?

— Считаю, что хорошие,— нимало не сомневаясь, отвечал Залужский.— А поэтов сейчас просто нет! Я, может быть, последний... Все, что пишут современные стихоплеты, гроша ломанного не стоит... Молчи, не говори мне ничего о них, слушать не хочу! — воскликнул он, заметив, что Георгий хочет ему возразить.— Дай мне любое стихотворение, и я разложу его по косточкам так, что «мяса» не останется.

И Георгий припомнил, как однажды, в литклубе, куда он тогда ходил, Станислав Евгеньевич налетал на все, что читалось там и публично громил поэтические произведения, буквально уничтожая авторов.

Это воспоминание наложило на недавнюю встречу со знакомой и посещение Георгием заседания литобъединения, о котором говорилось выше. А тут еще одна поэтка написала письмо, что хочет бросить писать стихи, так как Залужский запретил (!) ей. Это было последней каплей. «Кто дал ему право так судить, плевать в душу и бить молотком по голове?! — возмущался Георгий.— Да, у каждого человека свой уровень, но ведь он может качественно расти!» И он решил устроить «критику» проверку. Как-то он отнесется к малоизвестным стихам великих поэтов?

Решив так, Георгий послал Залужскому по электронной почте письмо, прикрепив к нему четыре малоизвестных стихотворения: по два А. С. Пушкина и С. А. Есенина, и попросил (взял грех на душу) посмотреть их как новые стихи знакомых авторов. Расчет был таков: если он одобрит, то и впрямь всем нужно прекращать писать стихи; а если раскритикует, то всем буду говорить, подтверждая свои слова этим фактом: «Пишите, друзья!»

Залужский ответил на следующий день — «критик», как всегда, щелкал стихи, как орехи. Ниже, читатель, содрогаясь от утробного смеха, по старой опаске,— как бы кому не повредить,— приводим тексты посланных стихов и комментарии «судии» к каждому из них.

С. А. Есенин

* * *

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые*

* «Кто скажет и откроет мне...» (с. 271).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1961, 2 дек. № 144 (в статье В. Белоусова «Ранние стихи Есенина»). Печатается и датируется по письму к Г. А. Панфилову 1913 г. (РГБ). Отрывок из стихотворения «Смерть», полный текст которого неизвестен (см. письмо к Г. А. Панфилову и коммент. к нему в 6 т. наст. изд.).

*И где следы творенья рук?
Ужели все дела святые
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил?*

Комментарий С. Е. З.:

— Не могу понять, и принять к сердцу, обстоятельство места «В ТИШИНЕ». А если не в тишине, то тайна ясна? Но это — цветочки. Да, да — мысль, с трудом, но понимается. Автор не точно употребил это слово. Оно в нашем языке не однозначно из-за понятия относительности. Но он-то хотел образ абсолютного беззвучия! Поэтому, здесь это слово просто недопустимо, уведит в сторону.

— Последняя строфа сложена нелитературно (так написано Залужским — **прим. авт.**). Я долго не мог прочитать мысль трех последних строк. Прошу автора, на будущее, проставлять полностью знаки препинания. Так вот, чтобы правильной передать читателю свою мысль, совершенно необходимо поставить запятую после слова «СВЯТЫЕ», дефис после слова «УЖЕЛИ» и троеточие (выразительная пауза!) после «ВСЕМОГУЩИЙ ЗВУК ЖИВОГО СЛОВА».

БУРЯ*

*Дрогнули листочки, закачались клены,
С золотистых веток полетела пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зеленый,
Зашептался с эхом высохший ковыль...
Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному стеклу
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу...
А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.*

Комментарий С. Е. З.:

— Нет гармонии в образе: Листочки неуказанного растения — дрогнули, А закачались в лесу — только клены, А с золотистых веток (зеленого!) леса полетела просто пыль...

— Ветры — ламинарное течение воздуха, они не могут шуметь сами. Шум создается колебанием всего, что на его пути... Но об этом автор уже говорил. Так что пусть заменит «зашумели ветры».

— Об «ЭХЕ» говорят, если оно создано одиночным звуком. У автора же, звучит целый оркестр, тут уж не до эха! «Зашептался с ветром высохший ковыль!»

— Буря — на улице и по всей округе, а «у окошка сидит кошка».

Почему буря — пасмурная? Это все равно, что змея — злока. Но это как посмотреть...

— Понагнулись ветлы, а еще — голову понуря... — это повторение сказанного.

— Угрюмая тоска ветел, как и пасмурная буря, не свойственны природе, но лишь человеку.

— Полутьма в двух ипостасях — в стекле и под тучами. Так, куда же смотрят эти ветлы? От таких вопросов нужно уходить.

— Если выползают тучи (во множ. числе), то бури еще нет. Она приходит с огромной одинокой тучей. Так что пусть пишет «выползает туча».

* Слова. Серебряный век. Сергей Есенин <http://slova.org.ru/esenin/drognuli/>

— Эпитет «грозный» — стационарен, он постоянно угрожающий. Советую поставить «Гневная река», это о силе прибывающей воды.
— Образ водяных круч, даже виртуально, не дробится на брызги. А вот, о каплях дождя у автора не сказано вовсе.
— Последняя строка вызывает недоумение: Речь идет о воде, а в метафоре — мечет землю сильная рука...

А. С. Пушкин

* * *

*Стрекотуня белобока **,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.
Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
На заре алой,
Серебрится снежный прах.*

Комментарий С. Е. З.:

— «Под калиткою...» — допускает мысль о мертвой птице. Лучше «За калиткою...»
— Предпоследняя строка урезана? Нужен эпитет.
— Снег, снежная пыль — не есть снежный прах. Таковым можно назвать лед или воду. Хорошо бы убрать это слово совсем.

* * *

*Я думал, сердце позабыло *
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

Комментарий С. Е. З.:

— Чем оправдан эпитет «легкая способность»?
Меня он озадачил.
— Думаю, что слово «прошли» — фатальное, невозвратное. А «ушли» — проходящее, потому и вернулись.
— «Мощная власть» — термин технический. А поэтическим будет лучшим — «вечная власть!»

Примечание:

В текстах комментариев Залужского сохранена авторская грамматика и стилистика.
...Судите сами, читатель, содрогаясь уже не от нутряного, а от вполне звучного, открытого смеха, а то и хохота по поводу рассказа Георгия и переданных им мне мате-

** Стихотворения 1829. Дата создания: 1829, опублик.: «Материалы для биографии Пушкина» — «Сочинения Пушкина», изд. Анненкова, т. I, 1855, стр. 344—345. См. также: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957 г. Том третий. Стихотворения 1827—1836, с. 154.

* Дата создания: 1835, опублик.: 1855. Источник: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. М., 1956—1962. См. Стихотворения Пушкина 1835 г. См. также: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957 г. Том третий. Стихотворения 1827—1836, с. 347.

риалов, какие у нас критики — никого не пощадят, даже гения русской поэзии и всей русской литературы А. С. Пушкина и народного любимца и замечательного поэта С. А. Есенина — строфы на строфе не оставят. Только и вам, наверное, обидно за многие чистые поэтические, пусть с еще не совсем совершенными стихотворными проявлениями, души. Потому, как и мне, вам уже не смеяться, а плакать, наверное, хочется...

Но я говорю вам: «Пишите, друзья, пишите и совершенствуйтесь!»

